

Свящ. Алексей ШИШКИН

**Мышление западноевропейское
и мышление восточное по воззрениям
В. Ф. Эрна**

29 апреля с. г. неожиданно для многих, на 35 году жизни скончался один из видных представителей русской философской мысли, приват-доцент Московского университета по кафедре философии Владимир Францевич Эрн. Будучи в философии продолжателем взглядов Владимира Соловьева, он примыкал к разряду тех русских мыслителей, которых принято объединять в названии «неославянофилов». Из философских произведений его наиболее известны: I. Исследование об итальянском философе Розмини; II. Сборник философских статей под заглавием: «Борьба за Логос»; III. Природа Мысли; IV. Природа научной мысли — то и другое исследование помещены на страницах журнала «Богословский вестник»; V. Г. С. Сковорода; VI. Философия Джоберти (в «Вопросах философии и психологии» за прошлый год) и др.¹

В предлагаемой статье мы делаем попытку представить его весьма интересные взгляды по вопросу об особенностях мышления западноевропейского и мышления восточного и попутно его же характеристику западной философии и русской.

О Гегеле сообщают, что он писал как-то одному из своих друзей: «Моя земная цель достигнута, ибо, заняв должность и приобретши милую жену, человек готов в этом мире. Это главные статьи, к которым может стремиться индивидуум: все остальное уже не главы, а только параграфы и примечания» *². Как можно видеть, для Гегеля смысл жизни без остатка исчерпы-

* Бог<ословский> вестн<ик>. 1913. Т. 1. С. 839.

вался достижением целей чисто внешнего характера. Жена, семейное счастье, должность, быть может, связанный с нею, льстящий самолюбию почет — вот и все, что нужно было для полного довольства этого знаменитого немецкого философа. Если бы письмо не было датировано 1811 годом то можно было бы подумать, что оно написано не человеком в 40-летнем возрасте, а безусым и легкомысленным юношей. Интересно сопоставить с этим письмом Гегеля одно из писем Вл. Соловьева, написанное им в юношеском возрасте любимой девушке. Вот одно место из него: «Я думаю, ты не можешь сомневаться в моей любви: я даже не умел хорошо скрывать ее до сих пор. Я люблю тебя, как только может любить человеческое существо, а может быть, и сильнее, сильнее, чем должен. Для большинства людей этим кончается все дело; любовь и то, что за нею должно следовать: семейное счастье — составляет главный интерес их жизни. Но я имею совершенно другую задачу, которая с каждым днем для меня становится все яснее, определеннее и строже. Ее посильному исполнению посвящу я свою жизнь. Поэтому личные и семейные отношения всегда будут занимать второстепенное место в моем существовании. Я не могу отдать тебе себя всего, а предложить меньше считаю недостаточным»... *³

В этом письме Соловьев не говорит, в чем состоит поставленная им себе задача. Неизвестно также, выполнил ли он ее в своей жизни, но важно уже то, что у него была определенная цель, которая возвышалась над интересами личной жизни. Она ясно предстояла пред ним, и освободить себя от ее выполнения он был не в силах. С решимостью, редко свойственной тому возрасту, в котором было написано письмо, 20-летний Соловьев ради выполнения поставленной им себе задачи готов был пожертвовать всем самым дорогим для себя. В то время как письмо Гегеля насквозь пропитано самым настоящим мещанством, письмо Соловьева возвышенно, благородно и проникнуто желанием жертвовать собою для осуществления целей, возвышающихся над личными интересами.

Эта разница в характере писем русского и западноевропейского философов — не случайное явление. Она до известной степени является отражением того различия, какое существует между культурой и мыслью восточной, с одной стороны, и западной — с другой. В то время как западная философия может

* Из писем Вл. С. Соловьева Е. В. Романовой, написанных в период времени с окт. 1871 г. по окт. 1873 г.

быть охарактеризована как процесс мысли, чуждый заинтересованности внутренними ценностями и сосредоточенный исключительно на решении проблем, имеющих для человека чисто внешний характер, восточная мысль подлинную и единственную ценность видит только во внутреннем, которое для нее является святыней. Это не значит, что представители восточной мысли не могут заблуждаться, — нет, нередко и они становятся на неправильный путь в своих исканиях, но все же при этом они руководятся не побуждениями внешнего характера, а теми внутренними импульсами, которые глубоко заложены в их душе. В России, например, даже материалисты, отъявленные позитивисты и атеисты не представляют исключения в этом отношении. Замечено, что между мыслью западной и восточной существует какая-то грань, которая делает их несводимыми одну на другую. В то время как от лучших представителей античной философии на нас веет чем-то близким и родным, изучение произведений древней философской мысли, диалогов Платона, например, способно почти так же настраивать нашу душу, как чтение аскетических творений, мы находим в них то, что отвечает самым возвышенным стремлениям нашего духа, что заставляет нас отрешаться от земли и возноситься к небу, — знакомство с произведениями западной философской мысли не дает нам ничего подобного. Оно не вызывает даже отдаленного намека на те чувства, какие возникают при чтении гениальных произведений древнегреческой философии. Можно, конечно, поражаться гениальностью западных мыслителей, можно приходиться в изумление от той способности к отвлеченному мышлению, в которой им, конечно, нельзя отказать, но в то же время нельзя не заметить того, что все их философские построения чужды нашему духу, очень редко волнуют нас, не заставляют возвышаться над обыденным и временами даже побуждают задавать себе вопрос: «Да к чему все это, собственно, нужно?» Один из русских, до такой степени увлекавшийся всем западным, что оставил даже Россию и веру, в которой был воспитан, в конце концов должен был, однако, признать, что западная философия есть такая же, в общем, пошлость, как и сами ее творцы. Это был небезызвестный Печорин.

Русская философия не всегда была свободна от влияния западной, но при этом замечательно то, что все заимствования с Запада в области философии неизбежно переделывались на наш собственный лад. Влияние немецких идеалистов первой половины прошлого века, и из них особенно Шеллинга, на наших славянофилов приходится считать несомненным фактом, однако

много ли общего между философскими концепциями И. В. Киреевского и А. С. Хомякова, с одной стороны, и системами Гегеля, Фихте и даже Шеллинга — с другой. Если и были мыслители на Западе, напоминавшие до известной степени наших, вроде Шеллинга *2-го периода* в Германии⁴ или Джоберти в Италии, то они представляли собою исключение. То же самое, что сказано о славянофилах, можно сказать и относительно Вл. Соловьева. Сухие и бездушные мысли Запада, воспринятые русской душой, своеобразно преломляются в ней и выступают в жизнь уже в очищенном виде. Это обуславливается, конечно, различием структуры души западных мыслителей и нашей; в то время как представители западной мысли — плоть, наши — дух. Впервые это различие замечено было гениальными представителями русской мысли, славянофилами, но вполне осознано и получило философское обоснование в трудах их идейных преемников, одно из первых мест среди которых принадлежит недавно скончавшемуся Вл. Фр. Эрну.

По мнению Эрна, Россия, будучи наследницей восточного православия, всецело восприняла вместе с ним и особенности восточнохристианского мышления, которому остается верной и до сих пор. Те черты, которые являются характерными для мышления восточного, отличают и оригинальную русскую мысль. Между прочим, отчасти этим именно объясняется то обстоятельство, что произведения западной мысли воспринимаются нами как нечто чуждое для нас. Различие между западным и восточным мышлением так глубоко, что примирение их невозможно без коренного изменения какого-либо одного из них. Это различие, как оно представляется Эрну, в самых общих чертах можно представить в таком виде:

Новая западноевропейская философия при всем многообразии образующих ее систем может быть рассматриваема как нечто единое. Началом, связывающим в целое эти часто до противоположности различные между собою системы, является т. н. психологизм — направление, стремящееся исходным пунктом философского умозрения сделать психические данные. Психологизм, таким образом, стремится идеальное выводить из чувственного и в основу онтологии положить психологию. Чуждый как античному, так и восточному мышлению, психологизм является детищем только новой философии и обязан своим происхождением Декарту. В последующее затем время он наибольшее свое развитие получает в системах Спинозы, Беркли, Юма и находит свое завершение в философии Канта и его ближайших последователей. В настоящее время психологизм почти

беспредельно господствует в философии Запада, и, строго говоря, он именно обуславливает собою все различия, которые можно наблюдать между восточным и западным мышлением. Они всецело вытекают из него, как следствия из причины.

Полагая в основу философского знания психические данные, из которых выводится все, что является объектом мысли, психологизм, следовательно, исходным пунктом всякого знания ставит человека и производит все бытие, не исключая и высших идей разума только из одной мысли. Идея Абсолютного не представляет в этом отношении исключения и является, следовательно, также не более как произведением человеческого духа. Дойдя до идеи Бога, психологизм стремится и ее поставить основным пунктом философии наряду с принципом, утверждающим, *что сознание собственной мысли является первым моментом философского умозрения* и есть первооснова всякой истины. Нисколько не смущаясь тем, что этот, так называемый первый принцип новой философии, выраженный у Декарта в виде положения «*Cogito, ergo sum*», — является далеко не автономным и для своего утверждения нуждается в некоторых предпосылках вроде признания общей и абстрактной идеи бытия, психологизм, получив идею Абсолютного из собственного сознания, хочет в свою очередь утвердить на ней истинность этого сознания. Таким образом, *circulus vitiosus* в данном случае настолько очевиден, что вполне заслуживает помещения в элементарных курсах логики в качестве «классического» примера, иллюстрирующего учение об ошибках подобного рода.

Несмотря на внутреннее противоречие, которое заключает в себе философия Декарта, она приобретает доминирующее положение в новой философии. Кант углубил и дал новое обоснование декартовскому психологизму, чрез Фихте, Гегеля и отчасти Шеллинга 1-го периода он дошел до наших дней и по сие время является основным грехом западного мышления.

Установив в процессе мышления мнимую самозаконность человеческого разума, новая философия с самого начала своего возникновения определила себя как философию рационализма, одною из наиболее характерных особенностей которой является то, что разум берется ею не во всей своей полноте, а в том виде, в каком он обнаруживается у большинства. Утвердив господство количественного принципа, западное мышление не желает считаться с качественной стороной разума, которая им ограничивается как со стороны присущей разуму способности поэтического постижения действительности, так и со стороны возможного для него внутреннего, непосредственного проникновения

в глубины сверхчувственного мира. Другими словами, рационализм представляет собою не что иное, как отвлеченную и отрешенную от жизни рассудочность.

Отождествив себя с самого начала своего возникновения с *ratio*, философская мысль Запада стремится из него одного вывести всю наличную действительность. Таким образом, выходит, что всю бесконечную глубину мировой жизни западная философская мысль хочет постигнуть, базируясь исключительно на одном только человеческом сознании, причем, конечно, совсем забывается истина как об ограниченности этого сознания, так и о бесконечной глубине космической жизни.

Правда, рационализм в настоящее время стал как будто возрождаться; теперь никто уже не говорит языком Фихте или Гегеля, вместо этого можно наблюдать только жалкую пародию на рационализм, тем не менее стремление изводить все бытие из мышления, из одних понятий, не оставляется и до сих пор, а это ведет к тому, что, лишая вещи жизни в себе, рационализм превращает их в схемы или, как говорит Эрн, «в простые категории познающего субъекта» *, а это в свою очередь обуславливает еще одну из особенностей западного мышления — т. н. меонизм.

Сущность меонизма, по мнению Эрна, заключается в том, что все существующее объявляется лишенным действительного бытия. Оно — призрак, *μή ού*, иллюзия. Материальный мир только кажется нам существующим, в действительности же его нет совсем. Начало меонизма, точно так же как и обуславливающего его рационализма, следует связывать с именем Декарта, превратившего природу в бездушный механизм. Беркли и Юм сделали из его предпосылок надлежащий вывод, причем первый из них считал подлинно существующим только Бога и созданных Им конечных духов, внешний же мир был для него бытием вторичным и производным, последний же утверждал то же самое относительно душевной субстанции и идеи «я». По Юму выходило, что сознания не существует, что личность призрачна в такой же степени, как и материя, внешний мир дан душе человека, которая в своей сущности есть не что иное, как «пучок перцепций». Только о них одних человек может иметь ясные представления. Перцепции связаны между собою законами ассоциаций, в основе которых лежит Привычка. Бог, по Юму, невыводим из чистого *ratio*, и поэтому есть основания

* Борьба за Логос. С. 358.

утверждать, что Его нет совсем*. Подобного рода нуллизм, как и рационализм Декарта и Беркли, не миновал горнила Кантовой философии и, принципиально утвержденный ею, в настоящее время проникает собою почти всю западноевропейскую мысль.

По крайности сделанных выводов в этом направлении в послекантовский период особенное место принадлежит Гегелю. По его мнению, существование вещей внешнего мира для нас недопустимо. Они представляют собою не более как формы познающего их разума. Следовательно, все существующее только кажется таким, а на самом деле оно — не что иное, как чистая мысль, призрак, по своему характеру очень напоминающий $\mu\eta\acute{o}\nu$ древних софистов (Горгия). Ясно, что если бы философия Гегеля была истинной, то реальность внешнего мира превратилась бы в полное «ничто»**.

Ранее говорилось, что еще Юм объявил личность фантомом. По нему она представляет собою не что иное, как «пучок перцепций». Последующая западная мысль принципиально утвердила невозможность ее рационального объяснения, поэтому личность, с точки зрения западной философии, неизбежно должна быть объявлена таким же меоном, как и внешняя действительность. Это является самым последовательным выводом из провозглашенной рационализмом исключительной законности принципа количественного вместо качественного, чем урезывалась нивелировалась и в конце концов совсем уничтожалась живая человеческая личность. Таким образом имперсонализм, подобно тому, как и меонизм, является прямым порождением рационализма. Эту новую особенность западного мышления можно характеризовать как сознательное отречение от категории личности, чрез замену ее категорией вещи.

Будучи сам обусловлен рационализмом, имперсонализм в свою очередь обуславливает собою другие особенности западного мышления. Механистическая точка зрения при истолковании явлений космической жизни и детерминизм Запада находятся в неразрывной связи именно с имперсонализмом. Они суть практические постулаты его. Конечно, вещь, отрешенная от всего индивидуального и живого, может быть признана рациональной со стороны только ее механических свойств. Точно так же и универсальное отрицание свободы исходные начала

* См.: Беркли и имманентная философия // Борьба за Логос. С. 40—41.

** Эрих В. Ф. Природа мысли. Бог. 1913. Т. 2. С. 110—111.

берет в имперсонализме. На самом деле, разве можно говорить о какой бы то ни было свободе, когда радикально отрицается личность и когда механистическая точка зрения признается единственно возможной при объяснении явлений мировой жизни. Если Мальбранш, Кант, Шеллинг и говорили о свободе, то их проповедь об этом не имела ровно никакого успеха, и жалкая западная мысль до сих пор продолжает коснеть в своем заблуждении, как будто она никогда не слышала и не знает никакого ученья, кроме детерминизма.

Получив свое начало в борьбе с мистицизмом средневековой философии, рационализм Запада в деле постижения действительности, как можно было видеть, возымел желание обойтись только человеческими средствами, но и их использовав не в достаточной полноте. Им была забыта та истина, что если философское познание и есть само по себе цель, поскольку оно удовлетворяет теоретической потребности знания, то сама эта потребность далеко не исчерпывает всего содержания жизни человека. Восточное мышление, наоборот, стремится исходить из глубин содержания этой жизни и имеет целью во всей полноте обнять ее собою. Вообще говоря, восточное мышление, по мнению Эрна, выступает совсем с другими чертами. Оно радикально противоположно западному.

Если одной из наиболее характерных черт западного мышления является рационализм, то восточное мышление противопоставляет ему логизм. В то время как западная философия развивается под эгидой взятого в середине и урезанного со всех сторон *ratio*, восточное мышление избирает своим руководителем разум в целом. Данный в потенции без исключения всем, он далеко, впрочем, не одинаково обнаруживает себя у каждого индивидуума. Для достижения высших ступеней его проявления нужно не напряжение одной мысли только, а главным образом непрерывное и нередко довольно продолжительное волевое устремление с подчинением ему всех способностей духа. Путь логизма — путь непрерывного подвига, и от степени его совершенства находится в зависимости степень познания истины. Логизм не забывает, как рационализм, что кроме теоретической потребности знания у человека есть еще другие потребности, объединяемые в стремлении к высшей, всецелой, абсолютной жизни, для которой и философия является не более как одним из средств.

Подобно тому, как рационализм базируется на *ratio*, так логизм — на *Logos'e*. Логос в своей сущности является началом объективно-божественным, творящим, внутренне проника-

ющим все созданное Им. Он есть то, что может быть названо мировым разумом, разумом Абсолютным, Разумом, на Который опирается разум. Отсюда ясно, что и истина заключается не в рационалистической отвлеченной рассудочности, а в познании законов этого Абсолютного Разума и неуклонном следовании им в жизни. Такой взгляд на истину является основным в воззрениях Эрнэ. По его мнению, он есть исключительное достояние именно восточного мышления. Итак, психологизму и меонизму Западной философии, Восточное умозрение противопоставляет онтологизм. Если в рационализме Запада неизбежен разрыв между мыслью и Сущим, между содержанием и формой, то в философии Logos'a, где человек сознает себя причастным божественной жизни Сущего, подобный разрыв невозможен. Если рационализм думает обрести истину чисто рассудочным путем, базируясь только на данных человеческого сознания, онтологизм видит метафизический корень истины там, «где лежит творческая причина самой природы» в том Божественном Начале, Которым дано бытие всему существующему. *Истина и познание с точки зрения онтологизма возможны только в том случае, когда первое и основное звено знания находится вне эмпирического человека и всего человеческого, утверждается в Сущем и вместе с тем имеет отношение к человеческой мысли*, таким образом, в процессе мышления обязательно отправление от объекта, а не от субъекта, как это наблюдается у западных философов, за исключением разве одного только Мальбранша*.

Эрнэ доказывает, что с точки зрения восточного мышления путь логизма то же самое, что и путь подвига. Познание истины определяется развитием высших сторон человеческого духа, гармоническим единством и совместной деятельностью всех его способностей под водительством веры. И чем выше человек становится в этом развитии высших проявлений своего духа, — а это в своей сущности есть не что иное, как процесс Богоуподобления, — тем полнее открывается ему пребывающая в недрах Божества Истина. Следовательно, познание Истины, с точки зрения восточного мышления для человека, является

* Мальбранш, вопреки положению Декарта: «Cogito ergo sum» говорит: небытие не обладает никакими свойствами. Я мыслю, значит, я существую». Обращая в силлогизм то, что Декарт хотел считать и первичным принципом своей философии, Мальбранш этим самым признает бытие Сущего и на основе этой истины строит свою философию.

не чем иным, как процессом духовного возрастания его до степени наибольшего уподобления Богу, чрез осуществление в личной жизни начал жизни Божественной. Ясно, что при таком понимании Истины на вершине знания должны находиться не кабинетные ученые, «просидевшие в жизни несколько стульев», а святые.

После этого, как говорит Эрн, не трудно видеть, что гносеология восточного мышления, в противоположность статичности замкнутой в пределах отвлеченной мысли западной философии, отличается обуславливающими беспредельность познания чертами динамизма, а это в свою очередь предполагает глубочайшее раскрытие личности. В самом деле, если достижение высоты ведения невозможно без восхождения посредством подвига, а совершение подвига невозможно без известного напряжения воли, то, конечно, это последнее невозможно помимо раскрытия личности. Таким образом, универсальной категории вещи западной философии, восточное умозрение противопоставляет категорию личности, имперсонализму — живой и бодрящий персонализм.

Если к этому прибавить, что вместо схематизма западной философии восточное умозрение исповедует символизм, по которому «весь мир есть не что иное, как лес символов, реалистически трактуемых» * и вместо механистической точки зрения при объяснении явлений мировой жизни и неразрывно связанного с нею детерминизма Запада, оно избирает противоположную ей, органическую, утверждающую философию свободы, то все из наиболее существенного, что сказано Эрном о различии между западным и восточным мышлением, можно считать исчерпанным **.

Ранее, в начале статьи, кратко упоминалось, что, по взглядам Эрна, оригинальная русская философская мысль отразила

* Борьба за Логос. С. 358—359.

** К сказанному о различии между рассматриваемыми видами мышления можно добавить еще разве то, что западному мышлению как будто чужда идея органической цельности и единства, свойственная восточному мышлению. Оно хочет непременно во всем видеть сложность. Чужда ему также черта всестороннего исследования явлений, и оно часто забывает о внутренних факторах и бывает склонно объяснять те или другие процессы совокупностью внешних влияний. Между прочим, детерминизм в вопросах, связанных с нравственностью, обуславливается тем, что для западной мысли внутренней жизни как бы не существует, а есть только совокупность внешних условий.

на себе черты влияния восточного умозрения и остается ему верной до сих пор, несмотря на сильное и непрерывное влияние на нее со стороны западноевропейского рационализма. Логизм для русской философии есть как бы нечто внутренне данное, и об него, как о неприступную прибрежную скалу, разбиваются все волны влияния западной философии. В России даже в сочинениях лиц, сознательно хотящих порвать с православием, вроде Толстого и Чехова, например, помимо их желаний и, быть может, незаметно для них самих выступают черты логизма. Но при всем этом нельзя, однако, утверждать, что русская философская мысль уже достигла вершин своего развития. В этом отношении, может быть, даже она сделала только первые шаги на этом пути, но, несмотря на это, путь, избранный ею, строго определенный и, конечно, смело утверждает Эрн, она с него никогда не сойдет. Мало того, русская философия в настоящее время является единственной живой хранительницей идеалов античного и христианского умозрения, и это дает основание предполагать, что встреча начала Божественного с началом человеческим — Logos'a с ratio и их борьба произойдет именно в России. Все это ставит русскую философскую мысль на недосягаемую высоту сравнительно с отвлеченной, бесплодной и лишенной духа жизни мыслью Западной Европы. Можно, следовательно, уже теперь смело утверждать, что она заслужила себе почетное и прочное место в истории новой философии.

Таков взгляд Вл. Ф. Эрна на русскую оригинальную философскую мысль. Это различие между западною и русскою мыслью указывается уже не впервые в России. Еще Хомяков укорял Канта за отвлеченную рассудочность. Уже в то время замечалось, что «корень ошибки западной мысли заключается в том, что рассудок, т. е. одна способность духа, принимается за цельность духа», за разум. Еще тогда говорилось, что все «истинно сущее и всякая действительная реальность ускользает от рассудочного мышления». Хомяков доказывал, что истина познается всею полнотою сил духа: верою, дошедшей до сердечного убеждения, волею и рассудком, которые в своей совокупности составляют разум. В противоположность западноевропейскому рационализму под философией славянофилы разумели не одно только стремление к удовлетворению теоретической любознательности, но и все то, что соединялось с этим словом у древних, — любовь к мудрости, науку жизни, добродетель. Быть философом, по мысли славянофилов, значило не просто быть рассуждающим человеком в западноевропейском смысле слова, а вместе с тем и даже более того — человеком добрым. Известное

нравственное настроение, особое направление воли, по их мнению, было необходимо для того, чтобы стать действительным мудрецом. Такого же, в общем, образа мыслей на западную и русскую философию держался и Вл. С. Соловьев. Не помню теперь, в котором из своих сочинений он говорит, что абсолютный рационализм колоссально нелеп в силу того одного, что все стремится выводить из ничего. Признавая единственным принципом философии разум сам по себе, он не замечает, что берет пустую, отвлеченную форму истины. По его мнению, западная философия стоит вне непосредственной связи с жизнью. Сосредоточившись на изучении исключительно теоретических вопросов и считая философское (отвлеченно-рассудочное) познание за высшее проявление духовной деятельности человека, т. е. принимая частную цель за общую, рационализм Запада стоит на ложном пути. Ему противоположно направление русской философской мысли, стремящейся воздействовать на жизнь, управлять ею и содействовать человеку в достижении верховной цели бытия — абсолютной вечной жизни. Вообще же говоря, всю философскую концепцию Вл. Соловьева можно рассматривать как завет русской философии помнить учение об идеях и стремиться всесторонне осознать законы познания. Этот завет, конечно, всегда будет помниться русской философской мыслью. Ручательством этого могут служить философские сочинения наших неославянофилов и, в частности, безвременно умершего Вл. Ф. Эрнана. Верный последователь Вл. Соловьева и славянофилов, он завершает развитие тех взглядов, которые у них были, быть может, только намечены. Можно сказать, что своими философскими сочинениями Эрн в достаточной степени подготовил арену для встречи Logos'a с ratio, осуществления чего он так страстно всегда желал, когда был жив.

